Холодная война, которую мы хотим: как преодолеть заколдованный круг?

Евгений Прейгерман

Опубликовано European Leadership Network

Резюме

Нам следует начать координировать планы по выстраиванию контролируемой конфронтации и уже сейчас принимать для этого сложные решения, нежели продолжать, как лунатики, неосознанно двигаться к апокалиптическим сценариям, в которых не может быть победителей.

Содержание

1 Метафора и реальность
2 Дилемма безопасности за штурвалом
3 Заколдованный круг
4 Есть ли выход?

В своей недавней публикации директор Европейской лидерской сети (ELN) сэр Адам Томсон утверждает, что миру «уже, вероятно, будет трудно избежать» новой холодной войны. Следовательно, государствам пора подумать, как эта конфронтация будет выглядеть и какой они сами хотят ее видеть.

Это, безусловно, очень своевременный призыв, однако уместно сопроводить его одним важным наблюдением: текущая ситуация в международных отношениях имеет глубоко структурный характер и во многом обусловлена дилеммой безопасности. То есть сложной конфронтационной динамикой, которую всегда было легко запустить, а затем крайне сложно сдерживать, даже когда конфликтующие стороны стремятся к сдержанности. Анализируя феномен дилеммы безопасности в многочисленных исторических и географических контекстах, Роберт Джервис пришел к знаменитому выводу, что «центральной темой международных отношений является не злой умысел, а трагедия».

Поэтому отдельным акторам будет недостаточно лишь самостоятельно спроектировать рамочные характеристики новой холодной войны, какой они хотели бы ее видеть. Критически важно получить поддержку, хотя бы косвенную, таких проектов со стороны геополитического(их) соперника(ов). Другими словами, любой желаемый результат потребует какой-то степени сотрудничества и координации с противоположной стороной. В противном случае быстро растущая напряженность будет постоянно делать односторонние интеллектуальные проекты нерелевантными. Недавнее решение России приостановить участие в Договоре о стратегических наступательных вооружениях (ДСНВ) служит хорошей иллюстрацией этого аргумента.

Метафора и реальность

В целом я не убежден, что метафора «новая холодная война» действительно сегодня отражает реальную геополитическую динамику. Некоторые составляющие конфронтации между Западом и Россией и США и Китаем действительно напоминают реалии Холодной войны, однако другие элементы сильно отличаются. Как минимум, не существует сопоставимого идеологического измерения, которое было центральной характеристикой Холодной войны. Попытки представить современную конфронтацию как борьбу между демократиями и автократиями (как это часто делают на Западе) или между традиционными и постмодернистскими ценностями (как это изображается в России) меркнут по сравнению с универсальным сражением между коммунизмом и капитализмом, двумя всеохватывающими экспансионистскими идеологиями.

Также иначе сегодня выглядит (дис)баланс сил в мире. Китай и США, вероятно, останутся двумя наиболее могущественными игроками, однако военная и экономическая сила более равномерно распределена на международном уровне среди значительного числа влиятельных региональных акторов, чем это было в годы Холодной войны. Более того, по мере нарастания напряженности внутри каждой конфронтационной диады – Запад vs. Россия и США vs. Китай – они неизбежно будут все более переплетаться, в результате чего одна диада часто будет рассматриваться в качестве прокси-театра для другой и наоборот. И если так, то перед нами классическое и хорошо известное в истории геополитическое противостояние с участием многих центров силы, а не новая холодная война.

> Поэтому использование концепции холодной войны может на самом деле больше искажать действительность, чем помогать в понимании природы происходящих изменений в международной системе и способов снижать риски безопасности.

Тем не менее метафора «новая холодная война», похоже, все больше оказывает влияние на формирование взглядов многих лиц, принимающих решения. При этом большинство из них подчеркивают необходимость избежать очередной холодной войны. Например, после встречи с руководителем Китая Си Цзиньпином на саммите G20 на Бали президент США Джо Байден подчеркнул, что «не должно быть новой холодной войны». Новая Стратегия национальной безопасности США содержит аналогичную формулировку: Вашингтон «не стремится к конфликту или новой холодной войне». С этим соглашается министр иностранных дел Китая: «мы решительно отвергаем менталитет новой холодной войны». Москва, со своей стороны, также давно выступает против новой холодной войны.

Если оставить в стороне более широкий вопрос о том, насколько сегодня актуальна сама парадигма Холодной войны, подобные заявления лидеров США, Китая и России звучат позитивно. Однако, к сожалению, на практике все идет в противоположном направлении, так как напряженность продолжает расти. И причины этого более сложны, чем только кажущиеся злонамеренными интенции противоположной стороны.

Дилемма безопасности за штурвалом

Со всех сторон возникающих «геополитических баррикад» доминируют споры о том, какая сторона спровоцировала враждебные отношения, кто виноват и, следовательно, кто должен изменить свое поведение. Эти дискуссии понятны, ведь люди склонны искать первопричины любой проблемы. Однако реальный вызов сегодня заключается в том, что «кто начал первым» больше не имеет значения, если мы пытаемся перевести эскалацию в контролируемое русло. Конфронтация между Западом и Россией, а также между США и Китаем уже вступила в стадию, когда планы и убеждения лиц, принимающих решения, уступают место дилемме безопасности. А она закручивает эскалационную спираль по своей логике, достаточно механической и не обусловленной конкретным контекстом того, с чего все началось и кто виноват.

Феномен дилеммы безопасности хорошо описан в литературе, ученые и даже официальные лица регулярно упоминают его, однако в последние годы сложно найти реальные попытки ограничить его действие на практике. Вкратце, это конфронтационная динамика, основанная на механизме действие-противодействие, при которой стороны рассматривают действия друг друга как изначально злонамеренные и приписывают им исключительно агрессивные намерения. Чтобы подготовиться к противодействию ожидаемым угрозам, одна сторона активно развивает своей военный потенциал, но это лишь провоцирует другую сторону делать то же самое. В какой-то момент – и мы уже давно его миновали – дилемма безопасности становится всепроникающей и формирует восприятие и мышление не только в военной области.

> В итоге это превращается почти в автоматическую динамику, которая маргинализирует другие опасения, возникающие у политиков, а также их способность сочувствовать и понимать конкретные обстоятельства другой стороны.

Это ведет к разрушению самих основ отношений между антагонистами и делает проблематичным даже общение между ними. Фактически они начинают жить в параллельных и крайне враждебных реальностях. В наши дни непредвзятому наблюдателю понадобится провести совсем немного времени в Москве, Вашингтоне или Пекине, чтобы понять, насколько глубоко дилемма безопасности там овладела умами и чувствами чиновников и многих простых граждан.

Заколдованный круг

Если бы нас всех десять лет назад спросили, хотим ли мы оказаться в такой ситуации, мы бы, несомненно, ответили «нет». Более того, с конца 2000-х годов выдвигалось множество конструктивных инициатив и программ, которые были призваны помочь избежать самых негативных геополитических сценариев. И тем не менее именно в таком сценарии мы и оказались…

Это в очередной раз подчеркивает, что дилемма безопасности живет своей собственной жизнью и элементарно игнорирует наши односторонние благие намерения и идеи, если они не опираются на понимание ее механики и не включают меры по ее преодолению. Ключевой такой мерой является необходимость поддерживать постоянную связь, координацию и сотрудничество между геополитическими соперниками.

Однако это звучит как заколдованный круг. Имеющаяся ситуация в области безопасности делает сотрудничество между Западом и Россией, а также Западом и Китаем все более затруднительным, а во многих сферах и вовсе невозможным, так как в их взаимном восприятии доминируют чувство угрозы и атрибутивность. При этом, однако, мы можем надеяться на то, что сможем контролировать или ограничить конфронтацию лишь в том случае, если между этими ключевыми геополитическими акторами будет хотя бы минимальный уровень взаимодействия и координации. В таких условиях попытки выработать предпочтительные рамки конфронтации самостоятельно или вместе со своими союзниками будут бесполезными, так как ни одна сторона не сможет контролировать результат в одиночку. Односторонние проекты всегда будут отставать от негативных событий, поскольку правительства, как правило, работают по принципу решения проблем по мере поступления и вынуждены заниматься разрешением то одного кризиса, то другого.

Одним из примеров того, как спираль эскалации будет препятствовать осуществлению благих односторонних планов по снижению конфронтации, является публично заявленная Россией политика отказа от избирательного сотрудничества с Западом. В отличие от времен Холодной войны, российские элиты сегодня склонны считать, что такое взаимодействие лишь стимулирует еще большее санкционное давление и отказ Запада сотрудничать в вопросах, имеющих первостепенное значение для Москвы. Недавнее решение России приостановить участие в ДСНВ – очевидный тому пример. Вот как его объяснил сам Владимир Путин: «*США и НАТО прямо говорят о том, что их цель – нанести стратегическое поражение России. И что, после этого они как ни в чем не бывало собираются разъезжать по нашим оборонным объектам, в том числе новейшим?*»

Чем выше геополитическая напряженность, тем больше эта логика будет проявляться во все сокращающихся сферах сотрудничества. И тем больше сфер, представляющих взаимный интерес (включая изменение климата и торговлю), станут жертвами этой динамики.

> Особенно с учетом многочисленных асимметрий между Западом, с одной стороны, и Россией и Китаем – с другой. Москва и Пекин будут все чаще рассматривать избирательное сотрудничество как инструмент Запада для эксплуатации и углубления этих асимметрий.

Есть ли выход?

Описанная динамика явно усложняет одно из предложений Сэра Адама для контролирования и ограничения конфронтации – «сохранить бизнес-сотрудничество и даже отношения с Россией, где это выгодно Западу». Поэтому подход, предусматривающий компартментализацию сотрудничества для управления конфронтационными геополитическими отношениями, необходимо пересмотреть и, вероятно, заменить более комплексным подходом, который охватывает весь спектр интересов в области безопасности. Фундаментальная проблема здесь заключается в том, что, как выразился известный немецкий аналитик на недавней закрытой экспертной встрече, «Западу становится все труднее проводить различие между классическими интересами безопасности России и ее имперскими притязаниями». Излишне говорить, что Москва и Пекин выдвигают схожие аргументы в отношении политики Запада, что также отражает дилемму безопасности.

Однако если мы действительно хотим контролировать и ограничивать конфронтацию, нам необходимо найти взаимоприемлемые способы разграничивать легитимные интересы и имперские амбиции. А это, опять же, невозможно без диалога, сотрудничества и координации.

> Те, кто отказываются идти по этому пути, должны быть честны с самими собой относительно того, как выглядит реальная альтернатива.

Учитывая, где мы уже находимся и куда движемся по спирали конфликта, рано или поздно мы неизбежно придем к серьезному кризису глобального масштаба. И к тому времени у нас почти не останется или не останется вообще никаких мер безопасности и механизмов снижения рисков. Когда случится такой кризис, будут возможны лишь два дальнейших сценария: либо ядерный Армагеддон, либо скоординированная деэскалация, основанная на признании взаимных интересов в области безопасности. Поэтому следует начать координировать планы по выстраиванию контролируемой конфронтации и уже сейчас принимать для этого сложные решения, нежели продолжать, как лунатики, неосознанно двигаться к апокалиптическим сценариям, в которых не может быть победителей.

Евгений Прейгерман
Директор Совета по международным отношениям «Минский диалог»